

use

TEEN 12

ISSN 0131-6885

1981

ТЕАТР

№ 12 декабрь 1990

Ежемесячный
журнал
драматургии
и театра

Орган
Министерства
культуры СССР,
Союза писателей СССР и
Союза театральных
деятели СССР

Основан
в апреле
1937 года

Москва.
Издательство
«Известия»

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБЩЕСТВЕННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА «ТЕАТР»

Афанасий Салынский (СССР)
главный редактор,
председатель совета,
Вацлав Гавел (Чехо-Словакия),
Сантьяго Гарсиа (Колумбия),
Андрей Гончаров (СССР),
Николай Губенко (СССР),
Фридрих Дюрренматт
(Швейцария),
Олег Ефремов (СССР),
Кирилл Лавров (СССР),
Юрий Любимов (СССР),
Гассан Малех (Сирия),
Ли Моран (Китай),
Хайнер Мюллер (Германия),
Эдвард Олби (США),
Джорджо Стрелер (Италия),
Роберт Стуруа (СССР),
Тадаси Сузуки (Япония),
Михаил Ульянов (СССР),
Петер Штайн (Германия)

На 1-й стороне обложки:

Костюм Эльфа к балету
«Эльфы» Н. Габриелли.
Литография XIX века

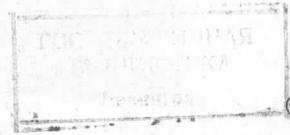
На 2-й стороне обложки:

«Три ожидания в «Пейзажах»
Гарольда Пинтера». Е. Громова.
Всероссийское объединение
«Творческие мастерские».
Мастерская Клима, Москва
Фото С. Бодянского

В номере:

Пьесы		
	<i>Елена Гремина. Колесо фортуны. Триптих</i>	2
	<i>Лев Устинов. Безумцы. Комедия в двух действиях</i>	24
Рампа и жизнь		48
Драматургия факта	<i>Геннадий Евграфов. «Разжаловать в рядовые!» или История о том, как один генерал стал диссидентом</i>	68
Портреты	<i>В. Красовская. Чужой среди своих</i>	87
История	<i>Б. Зингерман. Образ человека в книге А. И. Герцена «Былое и думы»</i>	95
	<i>Г. Бродская. Из запасников</i>	114
	<i>К. С. Станиславский и М. П. Лилина, которых никто не знал</i>	120
Из истории культуры	<i>К 100-летию со дня рождения Вацлава Нижинского</i>	
	<i>Милисент Ходсон. В поисках «Весны священной»</i>	149
	<i>В. Гаевский. Возрождение</i>	154
	<i>Э. Рогова. Дань памяти</i>	155
	<i>Е. Дюшен. Спектакль Мориса Бежара: девятнадцать лет спустя</i>	159
На перекрестке искусств	<i>Галина Пятигорская. Лестница в небо, или Как стать звездой при социализме</i>	162
Наши публикации	<i>Г. В. Плеханов. О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен</i>	172
Сценография	<i>Вячеслав Зайцев. Театральный костюм в гравюрах и литографиях XIX века</i>	176
За рубежом	<i>Коротко</i>	177
Фойе поэта	<i>Сергей Гандлевский. Кино надежды и нужды</i>	182
	<i>Содержание журнала «Театр» за 1990 год</i>	187
	<i>Краткое содержание на иностранных языках</i>	191

95-2585/25

Наши публикации

Культура политическая — культура дискуссии...
Так в каком же времени коренится
наша нецивилизованность?

Г. В. Плеханов

О тезисах Ленина и о том, почему бред бывает подчас интересен

В статье о задачах пролетариата в данной революции («Правда» № 26) Ленин, изложив свои, отныне знаменитые тезисы, в заключение счел нужным обрушиться на меня грешного. Зачем это понадобилось ему, я не знаю. Но посмотрите, как лихо ведет он против меня свою кавалерийскую атаку:

«Г. Плеханов в своей газете назвал мою речь «бредовой». Очень хорошо, господин Плеханов! Но посмотрите, как вы неуклюжи, неловки и недогадливы в своей полемике. Если я два часа говорил бредовую речь, как же терпели бред сотни слушателей? Далее. Зачем ваша газета целый столбец посвящает изложению «брёда»? Некругло, совсем некругло у вас выходит».

Замечу прежде всего, что я не давал никакого отзыва о речи Ленина и не был между его слушателями. «Бредовой» назвал длинную речь Ленина товарищ репортер «Единства». Разумеется, он мог ошибиться в своей оценке. Но я позволю себе заметить, что его ошибка никак не могла бы служить доказательством моей неуклюжести и недогадливости в полемике. Кроме того, впечатление брёда речь Ленина произвела на огромное большинство слушателей, а не только на товарища репортера «Единства». Если в этом последнем обстоятельстве Ленин увидит новое доказательство слабости моего литературного таланта, то я боюсь, как бы даже простодушные читатели «Правды» не сообразили, что неуклюжестью, неловкостью и недогадливостью отличается именно он, Ленин. Пойдем дальше. Напрасно думает мой противник, что «бредовая речь» не может привлекать к себе внимание слушателей в течение целых двух и даже более часов. И столь же напрасно уверяет он, будто изложению такой речи газеты не могут отводить места. Бред бывает иногда весьма поучителен, в психиатрическом или в политическом отношении. И тогда люди, занимающиеся психиатрией или политикой, охотно посвящают ему много времени и места. Укажу на «Палату № 6» Чехова. Она составляет целую книжку. В ней излагается самый несомненный бред, а, между тем, занялся же

воспроизведением этого брёда большой, очень большой художник. И когда мы читаем это произведение очень большого художника, мы не смотрим на часы и нисколько не ропщем на то, что оно занимает несколько печатных листов. Напротив, мы жалеем о том, что слишком скоро доходим до последней его страницы. Это новый довод в пользу того, что бред, оставаясь бредом, может быть интересен во многих отношениях.

Или возьмем «Записки титулярного советника Авксентия Ивановича Поприщина». В художественном отношении эта вещь Гоголя слабее, нежели «Палата № 6». Однако и она читается с большим интересом, и никто не жалуется на то, что она занимает несколько «столбцов». То же и с тезисами Ленина. Читая их, сожалеешь о том, что автор не изложил их гораздо подробнее. Это не значит, конечно, что я ставлю Ленина на одну доску с Гоголем или с Чеховым. Нет, — пусть он извинит меня за откровенность. Он сам вызвал меня на нее. Я только сравниваю его тезисы с речами ненормальных героев названных великих художников и в некотором роде наслаждаюсь ими. И думается мне, что тезисы эти написаны как раз при той обстановке, при которой набросал одну свою страницу Авксентий Иванович Поприщин.

«Числа не помню. Месяца тоже не было. Было чёт знает, что такое».

Мы увидим, что именно при такой обстановке, то есть при полном отвлечении от обстоятельств времени и места, написаны тезисы Ленина. А это значит, что совершенно прав был репортер «Единства», назвавший речь Ленина бредовой.

Первый тезис Ленина

Есть люди, политический кругозор которых до такой степени затуманен любовью к Интернационалу, что они никак не могут, — да и не

хотят, — разобраться в том, на кого же собственно падает ответственность за нынешнюю войну. Рассуждения этих людей всегда заставляли меня вспоминать о том мещанине в одном рассказе Глеба Успенского, который уверял, будто существует статья, гласящая: «по совокупному мордобою и взаимному оскорблению не виновны». И когда я слушал такие рассуждения, я не раз мысленно восклицал словами купчины в том же рассказе: «Передрались мы все, как самые последние прохвосты, а выходим все, как младенцы невинные». На первый взгляд представляется непонятным, как может человек, не совсем лишенный здравого смысла, допускать, что в международном праве современного социализма существует статья, подобная вышеуказанной. Но дело объясняется тем, что в данном случае ответственность переносится с людей на производственные отношения. Виноват во всем капитализм, который, в высшей стадии своего развития, непременно становится империалистическим. Сам по себе этот довод ничего не объясняет. Он основан на той логической ошибке, которая в науке называется петитио принципии, другими словами: он считает доказанным как раз то, что требуется доказать, то есть, что ответственность за каждую данную империалистическую войну в одинаковой мере падает на все участвующие в ней капиталистические страны. Но он успокаивает совесть интернационалистов, «не приемлющих войны», и потому нередко принимается без критики даже людьми, от природы весьма неглупыми.

Ленин никогда не был человеком сильной логики. Однако, и он как будто подметил логическую несостоятельность этого довода. Это явствует из следующих строк его первого тезиса:

«В нашем отношении к войне, которая со стороны России и при новом правительстве Львова и К° безусловно остается грабительской, империалистской войной в силу капиталистического характера этого правительства, недопустимы ни малейшие уступки революционному оборончеству».

Вы видите: война является грабительской, империалистской войной *со стороны России*. А как обстоит дело *со стороны Германии*? Об этом у Ленина не сказано ничего. Но если со стороны одного из двух сталкивающихся между собой лиц проявляется грабительское намерение, то весьма естественно предположить, что другое лицо рискует быть ограбленным. Выходит, что Германия подвергалась опасности быть ограбленной Россией. А если это так, то русскому пролетариату нет никакой надобности деятельно участвовать в нынешней войне.

Признаюсь, логика Ленина нравится мне больше, нежели логика людей, в своих рассуждениях отпавляющихся от убеждения в

безответственности «участников совокупного мордобоя». Он не отказывается от рассмотрения вопроса об ответственности: из приведенных мною строк его неизбежно следует, что ответственность падает именно на Россию, *со стороны* которой проявились грабительские намерения. Однако, его логичность есть именно логичность человека, ведущего свои рассуждения в том психическом состоянии, которое прекрасно характеризовал Поприщин своей пометой:

«Числа не помню. Месяца тоже не было. Было чёрт знает, что такое».

Кто же не знает, что война объявлена была не Россией — Германии, а наоборот: Германией — России? Правда, Бетман-Гольвег уверял, что Россия своей мобилизацией вынудила Германию объявить ей войну. Но неужели Ленин способен принять всерьез это утверждение германского канцлера?.. Допустить это совершенно невозможно. Дело вовсе не в том, известен или не известен Ленину тот или другой отдельный факт, знакомо или не знакомо ему то или другое утверждение или то или другое опровержение этого утверждения. Он рассуждает вне обстоятельств места и времени. Он оперирует единственно со своими отвлеченными формулами. И если формулы эти противоречат фактам, то тем хуже для фактов. Да и какое значение могут иметь факты там, где нет ни чисел, ни месяца, а существует лишь нечто совершенно фантастическое?

Ленин утверждает, что ввиду несомненной добросовестности широких слоев массовых представителей революционного оборончества, не желающих никаких завоеваний, необходимо терпеливо разъяснять им их ошибку. Из этих его слов, прежде всего, следует, что масса русского населения желает защищать свою страну, то есть стоит на нашей точке зрения, а не на точке зрения Ленина. Нам чрезвычайно приятно лишний раз убедиться в этом. Но пойдём дальше и спросим себя: какую же ошибку следует разъяснять массе, расположенной к защите своей страны?

По словам Ленина, мы должны «разъяснить неразрывную связь капитала с империалистической войной». *Какого же* капитала? Так как грабительские наклонности проявились именно «*со стороны России*», то следует думать, что нынешняя война падает на ответственность *русского* капитала.

Но этому выводу противоречит следующее соображение.

Политика новейшего империализма есть продукт стран, достигших наивысшей степени капиталистического способа производства. Россия не принадлежит к числу таких стран. Мы все знаем, что, по известному выражению Маркса, ее трудящееся население страдает не только от капитализма, но также и от недостаточного

развития капитализма. Стало быть, русский капитал никак не может выступить в роли наиболее видного и наиболее опасного для других народов представителя империалистической политики.

А если он неспособен выступить в такой роли, то нелепо считать его главным виновником нынешнего международного столкновения. К тому же наша трудящаяся масса просто-напросто не поверит «беспристрастным» агитаторам, которые захотели бы «разъяснить» ей, что ответственности за войну следует искать преимущественно, — если не исключительно, — «со сторон России». Ленин как будто сам чувствует это. По крайней мере, он обнаруживает готовность ограничиться «разъяснением» того, что «кончить войну истинно демократическим, не насильственным, миром нельзя без свержения капитала».

Смысл этого ясен: сначала свержение капитала, а потом участие народа в защите страны. Марксизмом тут, разумеется, не пахнет, как вообще не пахнет им в рассуждениях людей, не считающихся с условиями времени и места. На Парижском Международном Социалистическом Конгрессе 1889 г., на этом первом съезде второго Интернационала, анархисты объявили изменой социализму выставленное нами, марксистами, требование восьмичасового рабочего дня. Они тоже говорили: сперва свержение капитала, а потом уже охрана труда. Я обидел бы современного читателя, если бы принял «разъяснить» ему, что истина была не на стороне анархистов.

Ленин находит, что его изумительная и чисто анархическая формула прогресса должна широко пропагандироваться не только в трудящейся массе, но также и в действующей армии. Это понятно. Очень нередко именно самое уродливое дитя пользуется наиболее горячей любовью своих родителей. Но совершенно загадочно окончание первого тезиса Ленина. Оно состоит из одного только слова: «братание». С кем братание? По какому случаю братание? Это остается покрытым мраком неизвестности. Но, принимая в соображение начало первого тезиса, можно построить на этот счет довольно вероятную гипотезу.

Так как нынешняя война до сих пор остается грабительской, империалистической войной «со сторон России», то всем нам, не одобряющим грабительства русским людям, — а также, конечно, и находящимся на фронте воинам нашим, — надо побрататься с немцами: простите, мол, нас, добрые тевтоны, в том, что мы своими грабительскими намерениями довели вас до объявления нам войны; до занятия значительной части нашей территории; до надменно-зверского обращения с нашими пленными; до ограбления Бельгии и до превращения этой, когда-то цветущей, страны в одно сплошное озеро крови; до

систематического разорения многих французских департаментов и так далее, и так далее. Наш грех! Наш великий грех!

Как только до немцев дойдет этот трогательный, покаянный плач, они расчувствуются в свою очередь, заплачут слезами радости, кинутся в наши объятия, и тогда начнется, как говаривал Фридрих Энгельс, «всеобщее любовное лобызание».

Ну, разве же не очевидно, что, по крайней мере, первый тезис Ленина написан в том фантастическом мире, где нет ни чисел, ни мессиев, а есть только чёрт знает, что такое?

Остальные тезисы Ленина

Маркс говорит в знаменитом предисловии к не менее знаменитой книге «К критике политической экономии»:

«На известной ступени своего развития *производительные силы* общества вступают в противоречие с существующими в этом обществе *отношениями производства* или, выражая то же самое юридическим языком, с отношениями собственности, внутри которых они развивались до сих пор. Из форм, содействовавших развитию производительных сил, эти отношения превращаются в *препятствие* для их развития. Тогда наступает эпоха социальной революции».

Это значит, что далеко не во всякое данное время возможен переход от одного способа производства к другому, высшему, — например, от капиталистического к социалистическому. Маркс прямо говорит далее в том же предисловии, что данный способ производства никак не может сойти с исторической сцены данной страны до тех пор, пока он не препятствует, а способствует развитию ее производительных сил.

Теперь спрашивается, как обстоит дело с капитализмом в России? Имеем ли мы основание утверждать, что его песенка у нас спета, то есть что он достиг той высшей ступени, на которой он уже не способствует развитию производительных сил страны, а, наоборот, препятствует ему?

Выше я сказал, что Россия страдает не только оттого, что в ней есть капитализм, но также и оттого, что в ней недостаточно развит капиталистический способ производства. И этой неоспоримой истины никогда еще не оспаривал никто из русских людей, называющих себя марксистами. Если бы нужно было ей новое подтверждение, то его можно было бы почерпнуть из опыта нынешней войны, показавшей, как сильно рискует такое экономически отсталое государство, как Россия, сделаться предметом беспощадной эксплуатации со стороны такого экономически развитого государства, как Гер-

мания. Если это так, то совершенно ясно, что о социалистическом перевороте не могут говорить у нас люди, хоть немного усвоившие учение Маркса.

Самое важное разногласие между нами и народолюбцами, — как известно, восставшими против марксизма, — заключалось в том, что, по их мнению, предстоявшая русская революция должна была соединить в себе как *политический* элемент, то есть низвержение царизма, так и момент *социальный*, точнее *социалистический*; мы же, в противность им, доказывали, что это невозможно вследствие экономической отсталости России. Согласно нашему взгляду, завоевания политической свободы должно и могло явиться лишь одним из тех необходимых условий, которые подготовят социалистическую революцию, имеющую совершиться в более или менее отдаленном будущем.

Этого тоже не оспаривал до сих пор никто из русских марксистов. Не оспаривал этого, между прочим, и Ленин. Это общераспространенное между русскими марксистами убеждение до сих пор напоминает ему о себе время от времени. В его восьмом тезисе говорится:

«Не «введение» социализма», как наша *непосредственная* задача, а переход тотчас лишь к контролю со стороны Совета Рабочих Депутатов за общественным производством и распределением продуктов».

Тут Ленин отдает дань своему прошлому русского марксиста. Но, отдавая эту дань одной рукой, он другой рукой старается взять ее назад. Конечно, иное дело введение социализма, а иное дело контроль. Однако, спрашивается: что же собственно хочет контролировать Ленин? Ответ: общественное производство и распределение продуктов. Это, увы! — весьма неопределенный ответ. Контроль над производством и распределением продуктов, необходимый в социалистическом обществе, в известной и даже весьма значительной мере возможен также и при капитализме. Это, опять-таки, очень убедительно доказала нынешняя война. Но если восьмой тезис Ленина дает лишь неопределенный ответ на интересующий нас вопрос, то первый его тезис совсем недвусмысленно требует «полного разрыва на деле со всеми интересами капитала». Кто вполне разрывает на деле со всеми интересами капитала, тот совершает социалистическую революцию. Таким образом, заключающаяся в восьмом тезисе оговорка (не «введение» социализма, а контроль и прочее) представляет собою лишь слабую попытку нашего «коммуниста» успокоить свою марксистскую совесть. На деле он вполне разрывает со всеми, — основанными на теории Маркса, — предпосылками социалистической политики и, со всем

своим обозом и артиллерией, переходит в лагерь анархистов, которые всегда неустанно призывали рабочих всех стран к совершению социалистической революции, никогда не справляясь о том, какую именно фазу экономического развития переживает та или иная отдельная страна.

Социалистическая политика, основанная на учении Маркса, имеет, конечно, свою логику. Если капитализм еще не достиг в данной стране той высшей своей ступени, на которой он делается препятствием для развития ее производительных сил, то нелепо звать рабочих, городских и сельских, и беднейшую часть крестьянства к его низвержению. Если нелепо звать только что названные мною элементы к низвержению капитализма, то не менее нелепо звать их к захвату политической власти. Кто-то из наших товарищей, опаривавших тезисы Ленина на Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, напомнил ему глубоко истинные слова Энгельса о том, что для данного класса не может быть большего исторического несчастья, как захват власти в такую пору, когда его конечная цель остается недостижимой по непреодолимым объективным условиям. Ленина в его нынешнем анархическом настроении, разумеется, не может образумить подобное напоминание. Всех тех, которые возражали ему в Совете Рабочих и Солдатских Депутатов, он оптом величал оппортунистами, поддавшимися влиянию буржуазии и проводящими ее влияние на пролетариат. Это опять язык анархиста. Если читатель даст себе труд перелистать старую книгу М. А. Бакунина: «Государственность и Анархия», то он увидит, что отцу русского анархизма сам Маркс представляется оппортунистом, поддавшимся влиянию буржуазии и проводящим ее влияние на пролетариат. Да иначе и быть не могло. В анархизме тоже есть своя логика. Все тезисы Ленина вполне согласны с этой логикой. Весь вопрос в том, согласится ли русский пролетариат усвоить себе эту логику. Если бы он согласился усвоить ее себе, то пришлось бы признать бесплодными наши более чем тридцатилетние усилия по части пропаганды идей Маркса в России. Но я твердо уверен в том, что этого не будет, и что в призывах Ленина к братанию с немцами, к низвержению временного Правительства, к захвату власти и так далее, и так далее, наши рабочие увидят именно то, что они представляют собой в действительности, то есть — *безумную и крайне вредную попытку посеять анархическую смуту на Русской Земле*.

Русский пролетариат и русская революционная армия не забудут, что если эта безумная и крайне вредная попытка не встретит немедленного энергичного и сурового отпора с их стороны, то она с корнем вырвет молодое и нежное дерево нашей политической свободы.